

М. В. Новиков, В. В. Швецов

Н. И. Пирогов: вера и знание

В статье на основе материалов личного дневника Н. И. Пирогова рассматривается соотношение веры и знания у человека, принадлежавшего к числу ученых.

Ключевые слова: наука, религия, самосознание, знание и вера, человек науки, человек веры.

M. V. Novikov, V. V. Shvetsov

N. I. Pirogov: Faith and Knowledge

In the article on the basis of materials of Pirogov's personal diary, the ratio of faith and knowledge of the person belonging to a number of scientists is regarded.

Keywords: science, religion, consciousness, knowledge and faith, a person of science, people of faith.

Немного найдется в истории нашей страны людей, чьи имена с одинаковым почтением проносились бы и в дореволюционные, и в советские, и в постсоветские времена; как при жизни, так и после их смерти. Один из таких людей – Николай Иванович Пирогов (1810–1881) – знаменитый русский хирург, мыслитель и общественный деятель. Сегодня, когда болеющие за состояние нашего общества люди стараются найти образцы личностей в прошлом своей страны, с кого, по их мнению, можно было бы брать пример, Пирогов является путеводной звездой первой величины. Трудно представить человека более открытого и светлого, чем был Пирогов. О нем имеются многочисленные, различающиеся разве степенью информированности их авторов, отзывы в русской мемуарной, публицистической и научной литературе XIX–XX веков [1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9]. Более того, сам Пирогов, будучи чрезвычайно требовательным к себе, почти каждый свой шаг подвергал той или иной форме умственного анализа, будь это публицистические заметки, журнальные статьи, дневниковые записи. В этом отношении его дневник, получивший окончательную форму как «Вопросы жизни. Дневник старого врача», опубликованный посмертно, является не только самой добросовестной автобиографией, но и бесценным трудом мыслителя, важным документом эпохи [6].

Существенным компонентом «Дневника» Пирогова является то, что в нем отражен процесс формирования религиозных убеждений автора,

естественный характер этого процесса. Исключительную роль в этом деле играла семья: «И отец, и мать проводили целые часы за молитвою, читая по требнику, псалтирю, часовнику и т. п. положенные молитвы, псалмы, акафисты и каноны; не пропускалась ни одна заутреня, всенощная и обедня в праздничные дни. Я должен был строго исполнять то же» [6, с. 148].

«Должен» – это впечатление самого младшего в семье, тринадцатого ребенка, о том, что он не вполне понимал, но должен был тянуться за старшими: «Помню, как меня, полусонного, заспанного, одевали и водили к заутреням; не раз, от усталости и ладанного чада в церкви у меня кружилась голова, и меня выводили на свежий воздух... Упражняясь ежедневно в чтении часовника за молитвою, я знал наизусть много молитв и псалмов, нисколько не заботясь о содержании заученного. Значение славянских слов мне иногда объяснялось; но и в школе от самого законоучителя я не узнал настолько, чтобы понять вполне смысл литургии, молитв и т. п. Заповеди, символ веры, «Отче наш», катехизис, – все это заучивалось, а комментарии законоучителя хотя и выслушивались, но считались чем-то не идущим прямо к делу и несущественным. С раннего детства внушено было убеждение другого рода. Слова молитв, также как и слова Евангелия, слышавшиеся в церкви, считались сами по себе, как слова, святыми и исполненными благодати Святого Духа; большим грехом считалось переложить их и заменить другими» [6, с. 148].

Охарактеризовав свои религиозные представления начального периода жизни, заметив, что они не были неизменными, а подвергались разным колебаниям и переворотам «в разные времена жизни», Пирогов как истинный ученый рассматривает вопрос соотношения веры и знания на основании аналогий и классификации религиозных верований представителей ученого сословия: «В отношении религиозных убеждений можно разделить всех людей науки на три категории: к одной принадлежат... в деле веры искренно верующие прихожане приходских церквей; такие встречаются и между католиками, и между протестантами, и православными... К другой категории принадлежат ученые, старающиеся примирить свои научные убеждения с религиозными; когда же они не достигают такого примирения, то переходят в третий лагерь – ни во что не верующих» [6, с. 153].

Принципиально важным (даже обязательным) для ученого Пирогов считал чистосердечное решение главного вопроса жизни – «к которой из трех категорий он причисляет себя, во что он верует и что признает». Причем, делать это необходимо с максимальной честностью прежде всего перед собой: «Не надо робеть перед собою, вилять хвостом и пятиться назад, и отвечать самому себе двусмысленно» [6, с. 153]. И главное здесь – откровенно ответить на вопрос о том, признает ли он существование Бога и верует ли он в Бога: «Вилянье, нерешительность и неоткровенность непременно приведут к пагубному разладу с самим собою, к несогласию действий с убеждениями, упрекам совести и самоубийству, нравственному и физическому» [6, с. 153–154].

Вообще, Пирогов считал, что о Боге не следует говорить всуе, даже с близкими людьми на эти темы лучше не распространяться: «святое – святым». Но с самим собою нельзя лукавить: «Существование верховного разума, а следовательно и верховной творческой воли, я считаю необходимым и неминуемым (роковым)... требованием (постулатом) моего собственного разума, так что если бы я и хотел теперь не признавать существование Бога, то не мог бы этого сделать, не сойдя с ума» [6, с. 155].

Это вывод семидесятилетнего человека, путь которого к Богу был полон сомнений, колебаний, блужданий: «К чести моего ума, я должен упомянуть, однако же, что он, и блуждая, никогда не грязнул в полнейшем отрицании недоступного для него и святого» [6, с. 158].

Здесь, в месте высшей самооценки, будет уместно, как кажется, рассмотреть отношение Пирогова к учению, казалось бы, полностью противоположному высказанным им взглядам, – дарвинизму. «Не мне быть, – говорит он о дарвинизме, – критиком, противником или защитником и приверженцем современного учения; в нем очевидна гениальность наблюдателя, умевшего придать глубокое научное значение добытым им фактам и расследованиям явлений. Доктрина, обязанная своим происхождением такому гениальному наблюдателю, не могла не дать повода к новым взглядам на органический мир и к новым его исследованиям» [6, с. 159].

Высоко оценивая Дарвина как ученого, Пирогов иначе относился к его последователям, доводящим учение основателя до крайности – заявлявшим, что человек произошел от обезьяны, и не иначе. Он не видел в этом принципиально невозможного, дело было в другом: «Принимая весьма хладнокровно взгляд на происхождение мое от обезьяны, я не могу слышать без отвращения и перенести ни малейшего намека об отсутствии творческого плана и творческой целесообразности в мироздании; а потому никогда не допущу, чтобы первобытная клетка и даже первобытная протоплазма не заключала в себе творческой мысли о ее конечном назначении и творческого (целесообразно) предопределения всех форм, прототип которых должен был из нее развиться» [6, с. 160].

Если один аргумент Пирогова – предположение, что наша планета, произведя ихтиозавров, мамонтов и т. д., могла произвести и гигантского человека с огромным мозгом, впоследствии выродившегося или переродившегося в человекообразных обезьян, – можно считать маловероятным, вследствие отсутствия соответствующих данных палеонтологии, то другой – неприятие роли случая в происхождении человека, – кажется, имеет больший смысл, правда, опирающийся скорее на вербальную эмфазу: «Могу ли же я легко убедиться в непогрешимости доктрины, увлекающиеся приверженцы которой готовы, пожалуй, поставить на пьедестал *случай*, заменив им Бога и отвергнув, как лишний хлам, и план, и целесообразность в мироздании? По моему, это значило бы признать себя какими-то бастардами от случки случая с случайною же природою» [6, с. 161].

Признавая существование материи (вещества), Пирогов как естественник ставит непременным условием воздействие на атомы извне их

целенаправленность: «Лишь только мы отвергнем присутствие в атомах первобытной органической образовательной силы, влекущей их к известного рода группировкам, нам придется все дело передать в руки случая. Если бы в самые первые моменты творения, при самом первом зарождении органического вещества атомы его не имели этого влечения к группировке в определенные типические формы, то кто же, как не стихийные силы случайно производили тот или другой тип, случайно же способствуя переходам и превращениям одного в другой? Откуда бы взялись различию особей одного и того же типа, если бы случайное стечение разных условий не благоприятствовало развитию одной особи и не задерживало развития другой? Чему-нибудь да нужно дать предпочтение – предопределению или случаю. Я – за предопределение» [6, с. 165–166].

Проявив блестящие интеллектуальные способности, показав, что умозрительные упражнения и положительные знания не являются пределом его умственной деятельности, Пирогов заявляет: «Нужно уяснить себе главное в практической жизни: во что я верую?» [6, с. 168]. То есть, для него вера – это не отвлеченный умственный феномен, не какое-то всеобщее понятие, а что-то персональное, только ему принадлежащее свойство. Он говорит: «Начну с того, что веру я считаю такою психическою способностью человека, которая более всех других отличает его от животных» [6, с. 168]. Чувственные и умственные зачатки у животных наблюдаются, а вот вера – нет. Причина такого положения кроется «как в свойствах сознательности животного, так и в свойствах нашей способности веровать».

Животное, без сомнения, обладает сознанием; оно ощущает свое бытие и свою индивидуальность (личность); но животное не сознает, как мы, своего чувственного сознания, и потому представление и понятие его о своей индивидуальности не так ясны и отчетливы, как у нас. Личность животного сливается в его представлении более, чем у нас, с окружающим его миром; это потому, что нам об ощущении нашего личного бытия напоминает беспрестанно сознание этого более или менее сознательного ощущения; эту-то нашу способность сознавать, что мы сознаем себя, и нужно назвать *самосознанием*, его нет у животного» [6, с. 168].

Сравнение человека с животным у Пирогова не случайно – он не видит ничего невозможного в происхождении первого от второго: «Если вер-

ховный разум Творца заблагорассудил произвести человеческий род от обезьяны, то, несомненно, вера в человеке развилась постепенно, в течение веков, из грубых чувственных представлений, взятых им из окружающей природы» [6, с. 169]. Но, поскольку родословная человека не представляет собой устоявшегося, скрепленного наукой образования, «возможна и маловероятная для современной науки гипотеза о происхождении первобытного человеческого типа, теперь уже выродившегося, принесшего с собою на свет все задатки высших способностей души, в том числе и веры» [6, с. 169].

Божествами каждого культурного общества, полагал Пирогов, всегда были и будут или *идеал*, или *абсурд*. То же самое касается *веры* и *знания*: «Если вера и не есть непремный антагонист знания, а положительная (догматическая) даже требует его, – основные их начала несходны между собою и никогда не сойдутся. Сомнение – вот основа знания. Безусловное доверие к избранному идеалу – вот начало веры» [6, с. 170].

И в этом случае не имеет значения, что идеал вполне может быть абсурдом. По его мнению, в известном изречении Тертуллиана – одного из столпов церкви – «Верую, ибо это нелепо» содержится глубокая правда: «Истинно верующему нет дела до результатов положительного знания. Эта черта проводится нами заметно и в простых житейских делах. Если я получаю почему-либо полное доверие к какой-нибудь личности, то я не разбираю более – знающая она, образованная, интеллигентная или нет; я верую ей на слово, верую и без слов, одним, так сказать, взмахом души. Так знание и глубокомысленность уживаются в одной душе вместе с верою, не нуждающейся в знании. Способность познавать, основанная на сомнении, не допускает веры; но вера не стесняется знанием и идет своим путем. Идеал, служащий основанием веры, даже абсурдный, не допуская и тени сомнения, становится выше всякого знания и помимо его стремится к достижению истины» [6, с. 170].

Издавна ученые пользовались такими мыслительными операциями, как анализ и синтез. Когда стали выкристаллизовываться понятия *вера* и *знание*, возник вопрос об их взаимоотношении: одни считали возможным найти сходство между ними, другие полагали, что это неприемлемо. Принадлежа к последним, К. Фохт¹ называл возможность соединить веру и знание *двойной бухгалтерией души*. Таких же взглядов придерживались люди с твердым характером – *крепкие духом* и последо-

вательные ученые-специалисты, к каким Пирогов причислял себя в начале ученой карьеры: «Когда я считал специализм главной целью жизни, я подписал под моим портретом, ... что быть последовательным для меня – главное, и я был тогда действительно последовательным до чертиков; но по мере того, как я знакомился с жизнью и наукою – и мировоззрение мое делалось менее ограниченным, я прозрел и убедился, что, не принадлежав к разряду *esprit forts* /крепких духом/, нельзя быть вполне последовательным» [6, с. 170–171]. Но тут же оговаривался: «Что я говорю? Можно. Но как? Сделавшись подлецом перед Богом и перед собою» [6, с. 171]. А это что такое? «Подлец в моих глазах, перед Богом и перед собою, – подчеркивает Пирогов, – тот, кто, отвергнув все идеалы веры и став в ряды атеизма, в беде изменяет на время свои убеждения, и всего хуже, если делает еще это тайком, а убеждения свои разглашает открыто» [6, с. 172].

Пирогов не стесняется признать, что сам когда-то принадлежал к таким людям, «пока не познакомился с собою хорошенько» [6, с. 172]. «Знакомство» это состояло в том, что он понял, что ни к односторонним специалистам, ни к «крепким духом» людям он принадлежать не может: «Теперь, когда я убедился, что люди моего склада ума не могут и не должны стремиться к достижению крайних пределов последовательности, я сделался искренно верующим, не утратив нисколько моих научных, мыслью и опытом приобретенных, убеждений» [6, с. 172].

Можно называть это «двойной бухгалтерией», подчеркивал Пирогов, но так как этому изречению часто придается негативный смысл, в случае с описываемой категорией ученых необходима тщательность и аккуратность: «Личность, принадлежащая к этой категории, может быть в одно и то же время и человеком науки, и человеком веры, – и в вере, и в науке вполне искренним; идеал веры, – собственный или сообщенный, – мирится в такой личности с результатами, полученными путем науки; спокойствие, поселяемое в душе верою в идеал, хотя бы абсурдный, с научной точки зрения не нарушается несовпадением итогов двойной бухгалтерии. Как не благодарить Бога тому, кто своевременно разузнает в себе эту чудную, примиряющую способность души» [6, с. 171–172].

Пирогов подчеркивает свою полную приверженность именно христианской православной религии, поскольку вера просто в Бога не значила бы для него быть верующим – «это значило

бы быть деистом; а деизм, по-моему, еще не вера, а доктрина»².

Пирогов утверждал: «Необходим был идеал более человеческий, более близкий ко мне. Входя все ближе и ближе в себя во время разных испытаний жизни, я понял, наконец, почему культурные племена, дошед до известной степени человечности, так нуждаются в идеале Богочеловека» [6, с. 173]. Пирогов пишет, что он стал истинно верующим человеком только тогда, когда начал «веровать, что среди нас жил человеческою же жизнью наш Спаситель, испытал на себе муки и радости этой жизни», и это стало для него «еще никогда не испытанным счастьем» [6, с. 174].

Отдавая в конце жизни предпочтение вере, он спрашивает: «Что ум с его разъедающим анализом и сомнением? Разве он успокаивал, подавал надежду, утешал и водворял мир и упование в душе? А вот осуществленный идеал веры – он проник всю душу, не оставив в ней места для сомнений, анализов и, разом овладев ею, вселяет блаженство и восторг» [6, с. 174].

Если предыдущие строки можно было отнести ко многим людям, то следующие автор обращал непосредственно к себе: «Жизнь-магушка привела, наконец, к тихому пристанищу. Я сделался, но не вдруг, как многие неофиты, и не без борьбы, верующим. К сожалению, однако же, еще и до сих пор, на старости, ум разъедает по временам оплоты веры. Но я благодарю Бога за то, что по крайней мере успел понять себя и увидел, что мой ум может ужиться с искреннею верою. И я, исповедуя себя весьма часто, не могу не верить себе, что искренно верую в учение Христа Спасителя» [6, с. 174–175].

Библиографический список

1. Бертенсон, И. В. О нравственном мировоззрении Н. И. Пирогова [Текст] / И. В. Бертенсон // Русская Старина. – 1885. – № 1.
2. Брежнев, А. П. Пирогов Н. И. [Текст] / А. П. Брежнев. – М., 1990.
3. Коган, И. С. Пирогов Н. И. (1810–1881) Основоположник русской хирургии [Текст] / И. С. Коган. – Харьков, 1946.
4. Кулябка, С. Н. Учение Пирогова и наше время (по поводу 17-й годовщины смерти Пирогова) [Текст] / С. Н. Кулябка // Научное обозрение. – 1899. – № 2.
5. Малис, Ю. Г. Пирогов, его жизнь и научно-общественная деятельность [Текст] / Ю. Г. Малис. – СПб., 1893. – С. 93.
6. Пирогов, Н. И. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2. Вопросы жизни. Дневник старого врача, писанный

исключительно для себя, но не без задней мысли, что может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой [Текст] / Н. И. Пирогов. – СПб., 1900.

7. Пясковский, Н. Я. Пирогов как психолог, философ и богослов [Текст] / Н. Я. Пясковский // Вопросы философии и психологии. – 1893. – Кн. 1 (16).

8. Чиж, В. Ф. Пирогов, как тип русского [Текст] / В. Ф. Чиж // Вопросы философии и психологии. – 1910. – Кн. 105.

9. Штрайх, С. Вторая любовь Н. И. Пирогова (неизданное письмо) [Текст] / С. Штрайх // Современный мир. – 1915. – № 11.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bertenson, I. V. O npravstvennom mirovozzrenii N. I. Pirogova [Tekst] / I. V. Bertenson // Russkaya Starina. – 1885. – № 1.

2. Brezhnev, A. P. Pirogov N. I. [Tekst] / A. P. Brezhnev. – М., 1990.

3. Kogan, I. S. Pirogov N. I. (1810–1881). Osnovopolozhnik russkoj khirurgii [Tekst] / I. S. Kogan. – KHar'kov, 1946.

4. Kulyabka, S. N. Uchenie Pirogova i nashe vremya (po povodu 17-j godovshhiny smerti Pirogova) [Tekst] / S. N. Kulyabka // Nauchnoe obozrenie. – 1899. – № 2.

5. Malis, YU. G. Pirogov, ego zhizn' i nauchno-obshhestvennaya deyatelnost' [Tekst] / YU. G. Malis. – SPb., 1893. – S. 93.

6. Pirogov, N. I. Sochineniya v 2 t. 2-e izd. T. 2. Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha, pisannyj iskluchitel'no dlya sebya, no ne bez zadnej mysli, chto mozhet byt', kogda-nibud' prochtet i kto drugoj [Tekst] / N. I. Pirogov. – SPb., 1900.

7. Pyaskovskij, N. YA. Pirogov kak psikholog, filosof i bogoslov [Tekst] / N. YA. Pyaskovskij // Voprosy filosofii i psikhologii. – 1893. – Кн. 1 (16).

8. CHizh, V. F. Pirogov, kak tip russkogo [Tekst] / V. F. CHizh // Voprosy filosofii i psikhologii. – 1910. – Кн. 105.

9. SHtrajkh, S. Vtoraya lyubov' N. I. Pirogova (neizdannoe pis'mo) [Tekst] / S. SHtrajkh // Sovremennij mir. – 1915. – № 11.

¹ Фохт (Фогт) Карл (1817–1895) – немецкий философ и естествоиспытатель.

² Деизм (от лат. Deus – Бог) – учение, признающее существование Бога только в качестве безличной первопричины мира; мир существует самостоятельно, подчиняясь законам природы.